

ОТКЛИК НА КНИГУ GALI-DANA SINGER «ВСЁ, НА ЧТО ПАДАЕТ СВЕТ»

Я написал этот отклик в письме автору, а сегодня Gali-Dana Singer предложила мне разместить этот отклик в публичном пространстве. Вот он:

«Я читал Вашу книжку и по ходу дела записывал возникшие мысли и пытался записывать ощущения и чувства, хотя ощущения и чувства записывать получается корявее..

Когда прочитал первую пару десятков страниц, даже сам написал стихотворение, не обычное для меня. Но оно, конечно, другое. Нет той игры слов, что есть у вас. И уровень... серьёзности, что ли, ниже, да никакой серьёзности нет, так - мелькание стекляшек памяти. Но без прочтения вашей первой пары десятков страниц не было бы моего стихотворения. Наверное, ещё будут у меня стихи, которые без ваших стихов не появились бы.

Вы берёте слово и начинаете его вертеть то так, то эдак, повторять на разные лады. Оно превращается в другое, раздваивается, разные слова сливаются и т.п. Примеров масса, вот один произвольный:

неплательщики
ни платя ни тела
ни имени ни имения
пусто под языком
одно недоумение
одно недоразумение

Трансформируемые слова – и существительные, и прилагательные, и глаголы, но само действие трансформации – глагол. Он тут главный. Но вы это и сами знаете, коли пишете:

неопределенно-личные предложения
«эти слова не имеют определенного значения»
зато обладают неопределенным смыслом
смутным размытым неясным
тусклым расплывчатым туманным
темным никому не попятным
неотчетливым неразличимым
но в его существовании всяк уверен
убежден
самим фактом несуществования
определенного.

В общем:

убешщур скум вы со бу р л эз
да и то не наверняка

Конечно, не наверняка – при такой-то текучести слов, как будто они не имеют постоянной формы. Китайцы говорили, что есть вещи, не имеющие постоянной формы: облака, камни, деревья... А у вас – слова. Они уже немного оборотни: оборачиваются то тем, то этим.

Конечно, игра словами — это игра значениями, понятиями и, в конечном счёте, самими десятью тысячами вещей («Допустим, словесность Но всё же – телесность»). И вот уже откровенно, без игры в слова, стихотворение о «тишине-надежде». Да, «сложенъе слов на умноженъе смыслов».

Когда говорят много неустойчивых слов, наверное, сказывают несказываемое, и выходит, что сказанное, может быть, это и есть поэзия.

Существительные, и прилагательные, и глаголы... — части речи оборачиваются друг другом, оборотни они, что, наверное, значит, что речь состоит из частей не как машина, а как живое, или даже посмертное, если в посмертное существование слиянное верить.

В большинстве своём ваши стихи непонятны, а то, что понятно, только оттеняет непонятность, потому что за/под понятным остаётся что-то. Стихотворение кажется облаком, которое имеет и меняет причудливую форму, в нём что-то просверкивает, но основная его задача — не показать, а скрыть. «Последняя надежда всё понять», «неповоротливое месиво из слов и бессловесности».

И, может быть, «недостижима неграмотных нечаянная радость» — о том, что круг, уходящий от вещей к словам, жаждущий замкнуться, вернуться к вещам, бесконечен. Я сейчас много читаю о китайских каллиграфях разных веков и тысячелетий, которые искали сущность своего искусства в древних знаках и даже ещё более ранних чертах на бронзе, костях и панцирях черепах, когда из этих черт знаки только складывались, и там они находили себя, свой стиль, тем самым, замыкая круг, но каллиграфы сменяли другу друга и продолжали возвращаться, чтобы замыкать круг, потому что он бесконечный. Среди общих стилей есть стиль *цаошу* 草書 (травяное письмо), понять который могут далеко не все китайцы, не говоря уже о том, чтобы писать. Ваши стихи напоминают каллиграфию *цаошу*, и одновременно древний «стиль печатей» *чжуаньшу* 篆書, напоминающий не то рисунки детей, не то знаки самого Неба. Вязь ваших слов разлагается до корней слов, префиксов и суффиксов, до букв, до «ть», но лишь для того,

чтобы снова соединяться в причудливых сочетаниях, за которыми чудится (ещё не понимается) новый смысл.

Русские сказки перемешанные с ветхозаветными — ну, это так, из «понятных» намёков. Но — без намёка на стилизацию, «избегаешь цитаты».

Где-то в районе 90-100-х страниц возникло ощущение мира, обладающего свойствами уникальности и одновременно узнаваемости, т.е. общности. Это как «не наступай на трещины меж плит» — каждый думает, что это он один уникально так делает, сам не зная почему, а оказывается, что вовсе не уникально, все так делают. Мир этот пронизан, собран нитями длинными тонкими, паутина не паутина, многофокусность, сложно-странная глобально-обыденная конфигурация. И это всё хрупко, потому человек смертен, мир смертен, да, собственно, и бог неужели смертен.

«Автоматический перевод», «псевдодневник» и т.п. вроде механической (даже «математический перевод», так и правда точнее) попытки сказать то, что является не словами. А чем? «Переводными картинками»? Я замечал, что автоматический перевод (лучше с необычных - для машины, конечно - языков) бывает забавен и думал, что это можно использовать, а Вы использовали (или сделали вид, что использовали).

Почему я не могу написать
об актуальном?
Почему я не могу написать
о том, что меня волнует.

Когда пишешь стихи, всегда оказывается, что пишешь не о том. Странно, правда? Может быть, в этом и отличие поэтической речи от обыкновенной? Мне это приходило в голову.

«The link you followed may be broken, or the page ,ay have been removed» — интересно, это о памяти? о жизни? о личной? или человечества?

«но и себе я не доверяю» — это по-честному. Человек разумный = человек рефлектирующий. Был такой журнал «REFLECT... КУАДУСЕШЦТ», Вы там печатались, я тоже (№39). Ну, это такая автоматическая ассоциация.

Не знаю, почему, но такое ощущение, что эти Ваши стихи написаны могли быть или должны быть именно в Иерусалиме. Он как бы просвечивает сквозь них. Потому что сквозь него просвечивают тысячелетия историй и народов. Даже Китая, хотя какое отношение Китай имеет к Иерусалиму? «Форма ритуального поведения».

«Слова не произнести // оттого что их много» — довольно точное определение поэзии. У меня ассоциация с Тао Юань-мином: «В этом всё для меня заключён настоящий смысл. Я хочу рассказать, и уже я забыл слова...» (пер. Л. Эйдлина), которые, по сути, цитата из Чжуан-цзы: «Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!» (пер. Л. Позднеевой, у В. Малявина так же, у Б. Виноградского почти так: «Как бы мне отыскать такого человека, что сумел забыть о речах, чтобы с ним поговорить?»).

Ещё Ваши стихи напоминают сны. Мне иногда снятся сны, которые хотят стать стихами, но обычно не могут (я не могу), потому что они не из слов. У Вас одновременно сны и отрывки из священных писаний, хотя есть ли разница, может быть, эти писания — писания снов? Не обязательно личных, может быть, человечества? Брюсов свои «Сны человечества» посвятил Рене Гиллю, придумавшему «научную поэзию». Вот Ваши стихи такие *n*-крылые, не могу точно подсчитать это «*n*»: сны, священные писания, сказки, философия, история, простонародное что-то и обыденно-повседневное, (около)научное литературо-языко-ведческое чуть ли не с математическим уклоном (комбинаторным уклоном — «слова из 5 [6,7,8,9,10] букв») (а комбинаторика из игрушки стала важнейшей частью математики, в частности, из-за компьютеров, взять хоть «проблему тысячелетия»)… Пока семь получилось, но ведь даже серафимы шестикрылые))

Название «Всё, на что падает свет» означает «всё», потому что свет на всё падает, и означает «случайное» — на что случайно упал свет/взгляд. При том, что это не цитата из какого-либо стихотворения книги, а, следовательно, книга в целом. [*Из дальнейшей переписки: G.-D. S. : «"Всё, на что падает свет" - это все-таки не всё, а именно то, на что в данный момент падает свет». И.Б. : «Да, Ваше объяснение названия точнее».*]

Закончил читать с чувством неудовлетворённости — ну, это как в детективе, в котором в нарушение всех законов жанра убийца так и остался неизвестным. Вспомнилось, что Агату Кристи одно время исключили из клуба детективных писателей за роман «Убийство Роджера Экройда», в котором рассказчик и оказывается убийцей. Как пишет В. Руднев в «Словаре культуры XX века», «Развязка этого романа является сильнейшим шоком, причем прагматическим шоком для читателя, потому что читатель детектива естественным образом отождествляет себя с рассказчиком — такова психология чтения беллетристики. И поэтому когда оказывается, что убийца — рассказчик, у читателя невольно возникает странная, но закономерная мысль: "Оказывается, убийца — это я"».

На этом у меня, наверное, всё. Ах, да, ниже моё стихотворение, о котором я писал в начале.

НЕ ЗНАЛ *(автоматическое письмо)*

Причина, по которой я я,
в парадном сумраке
(потом она прижалась там в углу,
ещё какие-то ребята,
привет – привет)
и солнечном пятне:
двор, стол, скамья,
коленки
(кое-что узнал,
ребята рассказали).
Велосипед трёхног и красен,
у лиц вдоль улицы
(тогда она на том конце,
где двор другой)
немое выраженье,
трамвая голос,
остановка,
портреты на стене закрыли окна.
Идут.
Колонны.
(В журнале «Огонёк» большой портрет.
Красное. Чёрное.)
В тихих закоулках,
подножие деревьев и дверей,
покрошенный асфальт,
кирпич краснеет
(чудное слово «фабрикант»),
котельная,
глупая детская игра
(нет, это были не воздушные шарики).
Бесценность переулков.
Арка.
Двор.
И школьный сад.
И яблони в цвету.
И носом в землю бюст.
И неизвестно слово «грусть».
Нашедший рубль
радостен и смысл бытия
так очевиден,
как нельзя.
В слове «сквер»
скворчали листья, птицы и старушки

(потом, о! много позже
все женщины казались молодыми.
Кроме старушек).
Тот дом
остроконечный, тёмный
(она сидела на кровати
в пижаме, а не в школьном платье).
У булочной
(взял карандаш, бумагу, табуретку,
и у подъезда рисовал.
Зачем?
Не знал).
Мир-мраморные клавиши
парадной лестницы
торжественные гулы.
Луна.
Созвездия.
Мосты кривые.
Запах Яузы.
Потом
опять
не знал.

20220616, четверг

Спасибо.

С поклоном,
Игорь Бурдонов
20220630»